

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 10

1976

Роберт
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

БАЛЛАДА О КРАСКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

БАЛЛАДА О КРАСКАХ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1976

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Роберт Иванович Рождественский родился в 1932 году на Алтае в семье военнослужащего. Учился в Петрозаводском университете. В 1956 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Печататься начал в 1950 году. В 1955 году вышла первая книга поэта «Флаги весны».

Роберт Рождественский — автор более сорока стихотворных сборников, вышедших на русском языке, на языках народов СССР и за рубежом.

В 1972 году ему присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола.

Я сегодня до зари встану,
по широкому пройду полю.
Что-то с памятью моей

стало:
всё, что было не со мной,—
помню!
Бьют дождевики по щекам впалым.
Для вселенной двадцать лет —
мало.
Даже не был я знаком
с парнем,
прокричавшим:
«Я вернусь,
мама!..»

Обещает быть весна долгой.
Ждет отборного зерна пашня.
И живу я

на земле доброй
за себя
и за того парня.
Я от тяжести такой горблюсь.
Но иначе жить нельзя,—
если
всё зовет меня

его голос,
всё звучит во мне
его песня...
А степная трава пахнет горечью.
Молодые ветра зелены.
Просыпаемся мы.
И грохочет над полночью
то ли гроза,

то ли эхо
прошедшей войны.

На Земле
 безжалостно маленькой
жил да был человек маленький.
У него была служба

маленькая,

И однажды —
прекрасным утром —
постучалась к нему в окошко
небольшая,
казалось,
война...

Каску выдали
маленькую
и маленькую —
по размерам —
шинель....

ПОДКУПЛЕННЫЙ

Я подкуплен
ноздреватым льдом кронштадтским.

И акцентом
коменданта-латыша.

Я подкуплен
военкомами гражданской
и свинцовой водою

Сиваша...

Я еще подкуплен снегом
белым-белым,

Иртышом
и предвоенной тишиной.

Я подкуплен кровью
павших в сорок первом.

Каждой каплей.

До единой.

До одной...

А еще подкуплен я костром.

Случайным,

как в шальной игре

десятка при тузе.

Буйством красок Бухары.

Бакинским чаем.

И спокойными парнями с ЧТЗ...

Подкупала

вертолетная кабина,

ночь

и кубрика

качающийся пол!..

Как-то женщина пришла.

И подкупила.

Подкупила —

чем? —

не знаю до сих пор.

Но тогда-то жизнь

я стал считать по веснам.

Не синицу жду отныне,

а скворца...

Подкупила дочь

характером стервозным, —

вот уж точно,

что ни в мать

и ни в отца...

Подкупил Расул

насечкой на кинжале.

Клокотанием —

ангарская струя.

Я подкуплен

и Палангой

и Кижам.

Всем, что знаю.

И чего не знаю я...

Я подкуплен зарождающимся словом,
не разменным пока на пустяки.

Я подкуплен

Маяковским, и Светловым,

и Землей,

в которой сбудутся

стихи!..

И не все еще костры отпыхали.

И судьба еще угадана не вся...

Я подкуплен.

Я подкуплен

с потрохами.

И поэтому купить меня

нельзя.

* * *

Ежедневное чудо —

не чудо.

Ежедневное горе —

не горе.

Настоящее горе

другое.

И о нем говорить не хочу я.

Ежедневные блески —

как ветошь.

Ежедневная ноша

не давит.

В ежедневные слезы

не веришь.

Не тревожит.

Надоедает.

Лжет язык

в ежедневном застолье.

Бесконечные вопли

писклявы.

Постоянные вздохи —

не вздохи.

Если есть он.

7

БАЛЛАДА О КРАСКАХ

Был он рыжим,
как из рыжиков рагу.

Рыжим,
словно апельсины на снегу.

Мать шутила,
мать веселою была:

«Я от солнышка
сыночка родила...»
А другой был черным-черным
у нее.

Черным,
будто обгоревшее смолье.
Хохотала над расспросами она,
говорила:
«Слишком ночь была
черна...»

В сорок первом,
в сорок памятном
году
прокричали репродукторы
беду.

Оба сына,
оба-двое,
соль Земли —
поклонились маме в пояс
и ушли...

Довелось в бою
почуять молодым
рыжий бешеный огонь
и черный дым,
злую зелень

застоявшихся полей,
серый цвет
прифронтовых госпиталей.

Оба сына,
оба-двое,
два крыла
воевали до Победы.

Мать
ждала.
Не гневила,
не кляла она судьбу.

Похоронка
обошла ее избу.
Повезло ей,
 привалило счастье вдруг,
Повезло одной
 на три села вокруг.
Повезло ей,
 повезло ей,
 повезло! —

Оба сына
воротились
в село.
Оба сына,
 оба-двое,
 плоть и стать...
Золотистых орденов
не сосчитать.
Сыновья сидят рядом —
 к плечу плечо.
Ноги целы,
 руки целы —
 что еще?
Пьют зеленое вино,
как повелось...
У обоих изменился
 цвет волос.
Стали волосы —
 смертельной белизны...
Видно, много
белой краски
у войны.

МАМАЕВ КУРГАН

Сотни лет
 расходиться широким кругам
по огромной воде молчаливой реки...
Выше всех Эверестов —
 Мамаев курган!
Зря об этом
в учебниках нет
ни строки.
Зря не сказано в них,
что теплеет Земля
и светлеет Земля,

оттого что на ней,
о курганах мамаевых
помнить веля,
загораются тысячи Вечных огней...
Мне сюда возвращаться.

К добру и к беде.
Мне сюда приходиться.

Приползает.
Прилетать,
И, схватившись за сердце на той высоте,
задыхаясь, разреженный воздух глотать.
Мне сюда возвращаться.

Из мелких потерь.
Из ухоженных стран.
Из горячечных снов.
Натыкаться на долгие стоны людей
и кольчуги

позванивающих орденов...
Зря не сказано в книгах, Мамаев курган,
что металла
в твоём оглушенном нутре
больше, чем в знаменитой Магнитной горе!
Что хватило его и друзьям.
И врагам.

Вместо капель росы,
как слепое жнивье,
проступает железо, кроваво сочась...

И поэтому
самая главная часть
в притяженьи Земли —
притяженье твоё!..

Ты цветами пророс.
Ты слезами пророс.
Ты стоишь,
поминальные муки терпя.
Синеватые молнии медленных гроз,
будто в колокол памяти,
бьются в тебя!
И тогда поднимаются птицы с земли,
и колышется нервно степная трава.
Оживают
затертые напроць

слова.
И по плитам
устало стучат костыли.

* * *

Над головой
 созвездия мигают,
И руки сами тянутся
к огню...
Как страшно мне,
 что люди привыкают,
открыв глаза,
не удивляться дню.
Существовать.
Не убегать за сказкой.
И уходить,
 как в монастырь,
 в стихи.
Ловить Жар-птицу
для жаркого
 с кашей.
А Золотую рыбку —
для ухи.

ПАМЯТИ МИХАИЛА СВЕТЛОВА

Какие памятники ставятся волшебникам?
Из мрамора?
Из бронзы?
Из стекла?..
Довольствуемся
 слабым утешением,
что нас позвали
важные дела.
Так повелось,
 что вечера задымлены,
и опровергнуть ничего нельзя...
При жизни —
рядовые собутыльники,
А после смерти —
лучшие друзья...
Однажды в полдень
 сказку встретить можно.
Не проходи
и запросто присядь.

А сказка
 курит,
пьет коньяк с лимоном
и спрашивает:
 «Как живешь, босяк?..»
И вот уже с начала жизнь задумана!
Построен за ночь
 город на песке...

Сидит на стуле
добрая
сутулая
романтика
 в усталом пиджачке.
Она и не кончалась — время не было.
Она не отдыхала —
век не тот.
Она, прервав остроты,
 нежно-нежно
на солнце
 руку тонкую кладет.
Молчит —
а пальцы слушаются слабо.
И непривычно тихо за столом...

Струится и подрагивает
 слава,
как воздух над пылающим костром.

ПРИЗНАНИЕ КИНОДУБЛЕРА

Я — кинодублер.
Не слышал
 о профессии этой?
Пока не воспетой.
И правильно,
 что не воспетой!
Понять не могу,
почему мне еще не обрыдла
профессия драться,
 профессия прыгать
 с обрыва,
во имя искусства

идти на волков и на тигров...
Плывать мне,
что имя мое не указано в титрах!
Хоть там, где я падаю,
редко лежат

поролоны.

И ноют
к дождливой погоде
мои переломы...
Я кинодублер.
Я летаю,

бегу

и ныряю.

Не верю в страховку.
Себе одному

доверяю...

Допустим,

идея сценария всех полонила.

Картина —

в работе.

Отснята
почти половина.
Герой закапризничал.
Начал

канючить и плакать.

В такую погоду
герою не хочется плавать.
Натура «горит».

Режиссер

шевелюру лохматит.

Меня

вызывают.

И я говорю им:

«Снимайте!»

И вот я плыву.

Я скачу на коне.

Я фехтую.

Пью чай в перерывах.

На руки озябшие дую.

Разбито колено.

Плечо под кровавой корою.

А рядом снимаются

крупные планы

героя.

Я — мышцы его.

Я — бесстрашие его,
Я — решимость.
Я — кинодублер.
А дублерам
 нужна одержимость!
И снова я лезу куда-то
 по чертовой стенке.
А хилый герой
репетирует сцену
 в постельке.
Я в нем растворюсь,
 как река растворяется в море.

Наверное, после он будет и в славе и в моде,
Наверно, потом
он расскажет, как падал,
 как дрался.
И как ему было приятно.
И чуточку страшно...

Я — кинодублер.
Я, наверное, злюсь
 без причины...
Пусть девочки верят,
что он —
 настоящий мужчина!
А этот мужчина
 с гримершей ругается
 долго.

А в нем от мужчины,
пожалуй что, брюки.
И только...

Я — кинодублер.
А сегодня я пью и тоскую.

Давай за дублеров,
которые жизнью рискуют!
Ты —
 тоже дублер.
Ты порою вопишь иступленно.
Другие —
 молчат.
Им легко
за спиною дублера.

ГИТАРА ГАРСИА ЛОРКИ

А одна струна —
тетива,
зазвеневшая из темноты.
Вместо стрел в колчане — слова,
А когда захочу — цветы.

А вторая струна — река.
Я дотрагиваюсь до нее.
Я дотрагиваюсь слегка.
И смеется детство мое.

Есть и третья струна — змея.
Не отдергивайте руки:
это просто придумал я —
пусть боятся мои враги.

А четвертая в небе живет.
А четвертая схожа с зарей.
Это — радуга,
что плывет
над моею бедной землей.

Вместо пятой струны — лоза.
Поскорее друзей зови!
Начинать без вина нельзя
ни мелодии,
ни любви.

А была и еще одна
очень трепетная струна.
Но ее —
такие дела —
злая пуля
оборвала.

* * *

- Отдать тебе любовь?
- Отдай...
- Она в грязи...
- Отдай в грязи.
- Я погадать хочу...
- Гадай.
- Еще хочу спросить...
- Спроси.
- Допустим, постучусь...
- Впущу.
- Допустим, позову...
- Пойду.
- А если там беда?
- В беду.
- А если обману?
- Прощу.
- «Спой!» — прикажу тебе...
- Спую.
- Запри для друга дверь...
- Запру.
- Скажу тебе: убей!
- Убью.
- Скажу тебе: умри!
- Умру!
- А если захлебнусь?
- Спасу.
- А если будет боль?
- Стерплю.
- А если вдруг стена?
- Снесу.
- А если узел?
- Разрублю!
- А если сто узлов?
- И сто.
- Любовь тебе отдать?
- Любовь.
- Не будет этого!
- За что?!
- За то, что не люблю рабов.

Я И МЫ

А. Бочарову

Начинается любовь
с буквы «Я»!
И только с «Я».

С «Я» —
до ревности слепой.

С «Я» —
и до
небытия!

Понимаешь?

Я —
влюблен.

Понимаешь?

Я —
люблю.

Я!
Не ты,
не вы,
не он —
обжигаюсь

и терплю.

Никого на свете нет.

Есть она и я.

Вдвоем.

И на множестве планет

ветер

зноем напоен...

Лепет классиков?

Не то!

Лампочка
среди бела дня...
Я-то знаю,

что никто

не влюблялся

до меня!

Я найду слова свои.

Сам найду!

И сам скажу.

А не хватит мне

Земли —

на созвездьях напишу!

И ничьих не надо вех.

Так и действуй,
 человек!
И не слушай шепотка:
— Мы б в обнимку
 не пошли...
Мы б такого
 не смогли...
В наше время,
в тех
 годах
мы
не танцевали...
 так...
Неприлично...
 Неприли...
Надымили!
 Наплели!..
Все советы оборви.
Грянь
 улыбкою из тьмы:

— Сами
мыкайтесь в любви!
Вы,
которые
на «мы»!

НОЧЬЮ

Как тихо в мире!
Как тепло...
А если
в этой тишине
ты —
 мне назло,
себе назло —
устала
думать обо мне!
И номер набрала рывком.
И молча отворила дверь...

Я, может, даже не знаком
с ним —

постучавшимся теперь.
А если и знаком, так что ж:
он — чуткий.
У него —
душа...

И вот
в ладони ты идешь
к нему,
белея и дрожа!
Не понимаешь ничего...
А простыни — как тонкий дым...

И называешь
ты
его —
забывшись —
именем моим!
И падаешь, полужива.
И задыхаешься от слез.
И шепчешь жаркие слова.
Все те.
Все самые.
Всерьез!
А сумрак —
будто воспален.
И очень пьяно голове...

Телефонистка — о своем:
«Алло!
Кого позвать в Москве?..»
«Кто подойдет...»
Наверно, ты.
А если он, тогда...
Тогда
пусть вычеркнется навсегда
твой телефон!..
Из темноты
приходит медленная боль.
А я уже над ней смеюсь!
Смешно,
что я вот так
с тобой

то ссорюсь,
то опять мирюсь!
И мысли пробую смягчить,
весь —
в ожидании грозы...

Как долго
телефон молчит!
Как громко
тикают часы!

* * *

Горбуша
в сентябре
идет метать икру...
Трепещут плавники, как флаги на ветру.
Идет она,
забыв о сне и о еде,
туда, где родилась.
К единственной
воде.
Угаром,
табуном,
лавиною с горы!
И тяжелеют в ней
дробиночки икры...
Горбуша прет шурша,
как из мешка — горох.
Заторы сокруша.
И сети распоров.
Шатаясь и бурля,
как брага на пиру,
горбуша
в сентябре
идет метать икру!..
Белесый водопад
вскипает, будто пунш,
когда в тугой струе —
торпедины горбуш.
И дальше —
по камням.
На брюхе —
через мель!
Зарыть в песок икру.

И смерть принять взамен.
Пришла ее пора,
настал ее черед...

Здесь —
даже не река,
здесь малый ручеек.
В него трудней попасть,
чем ниткою — в иглу...

Горбуша
в сентябре
идет метать икру!
Потом она лежит —
дождинкой на стекле...
Я буду кочевать
по голубой земле.
Валяться на траве,
пить
бесноватый квас.
Но в свой последний день,
в непостижимый час,
ноздрями

ощутив
последнюю грозу,
к порогу твоему
приду я,
приползу,
приникну,
припаду.
Колени в кровь
сотру...

Горбуша
в сентябре
идет метать икру.

* * *

Как детство,
ночь обнажена.
Земля становится просторнее...
Моя щека обожжена
прозрачным:
«Скажи мне что-нибудь!..»
«Скажи мне что-нибудь!»
Скажи!

Скорей!
Пусть будут звезды —
до неба.
Заполони.
Опустоши.
И все-таки
скажи мне что-нибудь!..

Плати
за то, что целовал,
словами —
вечными, как прошлое...

Зачем
учился ты словам?
Скажи мне
что-нибудь хорошее...
За то, что ты не опроверг
все мужество мое
нарочное.
За бабий век.
Недлинный век. —
Скажи мне
что-нибудь хорошее...»

Святая
и неосторожная,
чего ты просишь?
Правды?
Лжи?..
Но шепчет женщина:
«Скажи!
Скажи мне
что-нибудь хорошее...»

* * *

Где-то оторопь зная
с ног человека валит.
Где-то метель по насту
щупальцами тарыхтит...
А твоего солнца
хватит
на десять Африк.
А твоего холода —
на несколько Антарктид...

трудно
 очень.
Хоть нарочно,
 хоть на мгновение,—
я прошу,
 робея,—
помоги мне в себя поверить,
стань
 слабее.

ИМЕНИНЫ

Л. Я.

Было весело.
Было пьяно.
Было душно, как в парнике...
Шестьдесят свечей
 засияло
на торжественном пироге.
Длилось время.
Сменялись тосты,
и приканчивалась
 икра...

Багровея,
 бухгалтер толстый
постоянно кричал:
«Ура!...»
Постаревшая примадонна,
плотно севшая на кровать,
повторяла хозяйке дома:
«Дура!
Годы надо
 скрывать...»

Лысый дядя хвалил жаркое
и, задрав подбородок вверх,
лепетал
 чего-то такое
про коротенький
бабий век...

А хозяйка,
вникая в речи,
не сердилась,
не горевала.
Наклонившись,
тушила свечи,
будто каждую
целовала.

* * *

С. Красаускас

Кем они были в жизни —
величественные Венеры?
Надменные Афродиты
— кем в жизни были они?..
Раскачиваясь,
размахиваясь,
колокола звенели.
Над городскими воротами
бессонно горели огни.
Натурщицы приходили
в нетопленные каморки.
Натурщицы приходили —
застенчивы и чисты.
И превращалась одежда
в холодный
ничей комочек.
И в комнате
становилось теплее
от наготы...
Колокола звенели:
«Все в этом мире тленно!..»
Требовали:
«Не кошунствуй!..
Одумайся!..
Отрекись!..»
Но целую армию красок
художник
гнал в наступленье!
И по холсту,
как по бубну,
грозно стучала
кисть.

Удар!
И рыхлый монашек
оглядывается в смятенье.

Удар!
И врывается паника
в святейшее торжество.

Стекла дрожат в соборе...

Удар!
И это смертельно
для господина бога
и родственников его...

Колокола звенели.
Сухо мороз пощелкивал.
На башне,
вздыбленной в небо,

стражник седой дрожал...

И хохотал художник!

И раздавал пощечины

ханжам,

живущим напротив,

и всем грядущим

ханжам!

Среди откровенного холода

краски цвели на грунте.

Дул торжественный ветер

в окна,

как в паруса.

На темном холсте,

как на дереве,

зрели

теплые груди.

Мягко светились бедра.

Посмеивались глаза.

И раздвигалась комната.

И исчезали подрамники.

Величественная Афродита

в небрежной позе

плыла!..

А натурщицам было холодно.

Натурщицы

тихо вздрагивали.

Натурщицы были

живыми.

И очень хотели

тепла.

Они одевались медленно.
Шли к дверям.
И упорно
в тоненькие накидки
не попадали плечом.
И долго молились в церкви.
И очень боялись
бога...
А были
уже бессмертными.
И бог здесь был
ни при чем.

СКАЗКА О МЕДНЫХ ТРУБАХ

*«И довелось испытать ему огонь,
воду и медные трубы...»*

Из старой книги

Жил богатырь на свете.
Претендовал на корону.
Не было у гражданина
ни слабостей,
ни гордынь.
Съедал на обед барана.
На ужин съедал корову.
Был богатырь
что надо! —
Сказочный был богатырь.
Он либо сражался,
либо
думал: с кем бы сразиться?
И никакая сила не могла его удержать...
Князю приходится княжить.
Прачке — с бельем возиться.
Богатырю
приходится
подвиги совершать...
Однажды он въехал в море.
На добром коне.
С разгона.

И там пропадал —
рассказывают —
почти до восьми утра.
А утром князю в подарок
привез он Царя Морского!

Люди кричали:
«Браво-о-!..»
Люди кричали:
«Ура-а-а!..»
А богатырь отправился
жажду геройства
в Царство Зловонной Гари, —

новым подвигом утолил.
Огненного Страшила
голыми взял руками!
(Только усы да брови
чутьточку опалил)...
Княжеские глашатаи
на площадях

хрипели!
Был потрясающий праздник!
(Я знаю, что говорю.)

Звонкие трубы пели,
чистые трубы пели,
медные трубы пели
славу
богатырю!!.
Слушал он эти трубы
в очень достойной позе.

Слушал он их,
внимая
каждой отдельной трубе.

Слушал их днем и ночью.
Вдумчиво слушал.
А после —
разволновался и помер.
От уваженья к себе...

Жил богатырь на свете.
Явно — не самый слабый.

Был богатырь, и — нету.
Жалко богатыря...
Страшное испытание:
медные трубы славы!

Соображали предки.
Слов не бросали зря...

Человеку надо мало:
чтоб искал
и находил.
Чтоб имелись для начала
друг —

один
и враг —

один...
Человеку надо мало:
чтоб тропинка вдаль вела.
Чтоб жила на свете
мама.

Сколько нужно ей —
жила...

Человеку надо мало:
после грома —

тишину.
Голубой клочок тумана.
Жизнь —

одну.
И смерть —
одну.

Утром свежую газету —
с Человечеством родство.
И всего одну планету.
Землю!

Только и всего.
И —

межзвездную дорогу
да мечту о скоростях.
Это, в сущности, —
немного.

Это, в общем-то, —
пустяк.

Невеликая награда.
Невысокий пьедестал...
Человеку

мало
надо.
Лишь бы кто-то дома
ждал.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я сегодня до зари встану...»	3
«На Земле безжалостно маленькой...»	3
Подкупленный	4
«Ежедневное чудо — не чудо...»	6
Давнее	7
Баллада о красках	8
Мамаев курган	9
«Над головой созвездия мигают...»	11
Памяти Миханла Светлова	11
Признание кинодублера	12
Гитара Гарсиа Лорки	15
«Отдать тебе любовь?...»	16
Я и мы	17
Ночью	18
«Горбуша в сентябре...»	20
«Как детство, ночь обнажена...»	21
«Где-то оторопь зноя...»	22
Джоконда	23
«Будь, пожалуйста, послабее...»	25
Именины	26
«Кем они были в жизни...»	27
Сказка о медных трубах	29
«Человеку надо мало...»	31

Роберт Иванович Рождественский
БАЛЛАДА О КРАСКАХ

Редактор — **А. В. СОФРОНОВ.**

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 5/І 1976 г. А 00889. Подписано к печати 17/ІІІ 1976 г.
 Формат 70×108¹/₃₂. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,84 учетно-изд. л.
 Тираж 100 000. Изд. 1018. Заказ 1635. Цена 4 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
 ул. «Правды», 24.

Папы и мамы, бабушки
и дедушки, другие близкие
родственники ребенка
могут заключить договоры
страхования детей.

● Обусловленная договором страховая сумма будет выплачена застрахованным юноше или девушке по окончании срока страхования — при достижении ими восемнадцатилетнего возраста.

● Застраховать ребенка можно со дня его рождения. К моменту оформления договора страхования возраст ребенка не может превышать 15 лет 6 месяцев. Размер страховой суммы по одному договору (300, 500 или 1000 рублей) устанавливается по желанию лица, заключающего договор.

● Ежемесячные взносы доступны каждой семье, их размер зависит от страховой суммы и возраста ребенка на день оформления договора. Страховые взносы можно уплатить также единовременно за весь срок страхования по льготному тарифу.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Если Вас заинтересовал этот вид страхования и Вы хотите получить более подробные справки, а также заключить договор страхования, обратитесь, пожалуйста, в инспекцию или к агенту Госстраха.

ГОССТРАХ РСФСР

